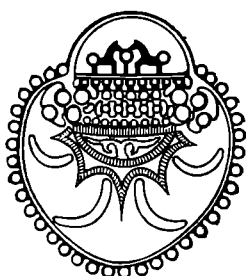

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1965

населения утрачивает свой смысл и является простым украшением. О быстроте ассимиляции при господстве тюркского компонента свидетельствуют письменные источники, которые четко разделяют татар от соседящих с ними остяков, ранее занимавших территорию южной части тайги и северной лесостепи.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

ДРЕВНИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ РУДНИК ЛАШКЕРЕК

Среди известных в средневековую пору древних рудников Илака особое место занимают выработки и плавильни верховья р. Ангрена, в районе притоков Лашкерек и Лояк. Выявление пунктов древней добычи и плавки руды района связывается с геологическими исследованиями. В 1927 г. А. П. Кириков обнаружил в Лашкерек-Сае огромные отвалы шлаков с большим содержанием галенита. В 1928 г. Б. Н. Наследов изучал их и выделил четыре группы общим объемом 14 тыс. т¹. Выработки, связывающиеся с древним пунктом плавки, отмечались А. П. Кириковым в Шерлак-Сае, Б. Н. Наследовым в Янгаклы-Сае². В 1933 г. Ф. И. Вольфсон открыл огромные выработки в верховьях Лашкерека³. Отметив несколько групп древних выработок (систему шахт на протяжении около 400 м с главной камерой, вероятно, для рудоподъема; ряд углублений, видимо, засыпанных штолен в центре юго-западного склона хребта), автор отмечает, что наряду с иными металлами интерес для древних представляет серебро.

Д. И. Щербаков на основе данных Ф. И. Вольфсона приурочил выработки к зоне оруденения и разломов протяжением 4—5 км, выделил участок наибольшей интенсивности мощностью до 15 м и протяженностью 1,2 км и также подчеркнул высокую серебристость руд⁴.

Дальнейшие работы были направлены на углубленное изучение месторождений и детальное исследование шлаков. Геологами Г. С. Саркисовым, В. С. Зверевым, И. Л. Яицким, Д. Л. Дуниным-Барковским проводился попутно сбор археологического материала. В 1955 г. район осматривался отрядом Института геологии АН СССР, получившим интересный археологический материал (барабан воротка, деревянные миски)⁵. Детальное изучение рудника проводилось Г. А. Осиповой⁶.

В 1962 г. археологическое изучение района, сопровождавшееся раскопками, было проведено отрядом Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР под руководством автора⁷.

Изучаемая площадь сложена преимущественно из эффузивных пород. С юга-востока она ограничена тектонической зоной, идущей по центральной части хребта, а с северо-запада — почти параллельным ему разломом, пересекающим средние части рек Нишбаш и Ак-Су.

Рудные тела обусловлены характером минерализованных зон. Среди материалов в отвалах древних выработок, в обнаружениях хребта Лаш-

¹ Б. Н. Наследов. Древние шлаки и полиметаллические месторождения Лашкерекско-Янгокласского участка. «За недра Средней Азии». Ташкент, 1932.

² Там же, стр. 27, 33—35.

³ Ф. И. Вольфсон. К проблеме оруденения Северного Карамазара. Тр. ТПЭ, 15, л., 1935.

⁴ Д. И. Щербаков. Проблемы Карамазара. Тр. ТПЭ, л. 1934, стр. 110.

⁵ О. И. Исламов. Разведка памятников горного дела в республиках Средней Азии в 1955 г. Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР, 33, М., 1960, стр. 194—196.

⁶ Отчеты геологов хранятся в архиве Узглавгеологип.

⁷ Большая помощь в изучении района была оказана автору Д. Л. Дуниным-Барковским, которому выражаю искреннюю благодарность.

керек и бортов одноименного сая следует отметить пирит, сфалерит, блеклую руду, халькопирит, полибазит, аргентит, барит, халькозин. Для детальной характеристики, древних выработок выделяется несколько участков оруденения: центральный, северо-западный, пятый Лашкерек и «Малахитовое поле».

Наиболее интенсивное оруденение имеет центральный участок. Он достигает в длину нескольких сотен метров при большой мощности. С поверхности жилы отработаны древними рудокопами полностью. Анализ проб дает богатое содержание серебра. Рудные зоны северо-западного участка с поверхности также отработаны. В целике, оставленном древними для крепления рудника, и в рудном теле под целиком содержалось в среднем до 1 кг серебра на тонну руды.

Пятая Лашкерекская зона также покрыта древними выработками большой длины и мощности.

«Малахитовое поле» на правом берегу Лашкерека в устье Куль-Сая представляет собой цикл диаметров до 400 м. Отвалы породы на склоне сохранились в незначительном количестве, однако громадный отвал оказался внизу. Шурфом были вскрыты рудные отвалы глубиной 3,5—5 м, под ними — слой наносов без руды, но с 15 м вновь начались рудосодержащие слои отвала. Руда аналогична Лашкереку: блеклые руды с богатым содержанием серебра, даже самородного.

Осыпями и отвалами покрыт и восточный склон цирка. Одной из канав вскрыто устье древней выработки в виде вертикального столба глубиной 9 м; дно покрыто завалами; чувствуется, что выработка уходит еще глубже. С поверхности выработки Лашкерека кажутся незначительными. Это — углубления, идущие иногда цепочкой и принадлежащие разработке одного рудного тела системой штолен с газенками. Сохранились и вертикальные шахты, обычно заваленные на глубине 10—12 м.

Настоящий размах работ выявляется лишь при глубокой проходке. Выработки уходят на большую глубину. Некоторые из них были подсечены на глубине более 200 м. В зависимости от рудного тела они переходят в обширные камеры, делятся на ряд рукавов или сужаются в ходки шириной до 45—50 см.

Большой интерес представляет древняя выработка, подсеченная при глубокой проходке. Сверху выработка незаметна, она выходит в штольню в виде расщелины, постепенно расширяющейся от 60 см до нескольких метров, при высоте более 20 м. Широкая полость расщелины и обрушившийся свод открывают изнутри картину интенсивной разработки рудных тел горизонтальными и наклонными ходками и щелями. Сбоку вверх поднимается вертикальный колодец. Здесь древние рудокопы применили различные способы крепления⁸.

Узкие ходки и щели изредка крепились целиками бедной руды, в опасных местах ставилась подпорка или вертикальная стойка. Наряду с этим встречен оригинальный и рациональный способ крепления поперечной стойкой с подпятником. В одной стене выпалбливалась ячейка, в которой укреплялся заостренный конец стойки. Второй так же тесаный конец упирался в противоположной стороне ходка в деревянный подпятник. Подпятник представляет собой брус размером 32 × 18 × 8 — 10 см. Длина распорки зависела от размеров ходка, толщина от 12 до 18 см. Это крепление ставилось отдельно под угрожающими глыбами или поддерживало

⁸ Б. А. Литвинский. Горные инструменты из коллекции Ленинабадского краеведческого музея. ИООН АН ТаджССР, 2, Душанбе, 1952; его же. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.). Тр. АН ТаджССР, XXVII, Душанбе, 1954; его же. Предварительный отчет о работах в Кара-Мазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, XXXVII, 1956; его же. Среднеазиатский горный промысел в средние века (IX—XII вв.). Техника. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 42—51.

сплошной настил из тонких продольных балок. Край с подпятником был чуть выше, при сильном давлении он слегка сползал, так что стойка становилась более горизонтальной, но прочность ее от этого лишь увеличивалась⁹. Наибольшее внимание уделено гезенку. Он укреплен венцом полного оклада в виде арчевых вертикально стоящих столбов диаметром 10—15 см и длиной до 1,2 м, разделенных горизонтальным окладом (рис. 1).

На высоте нескольких метров сруб пересекает дополнительная пере-
кладина, и здесь же от колодца отходит горизонтальный штрек. Такая

же картина повторяется несколько раз на разных уровнях, причем штреки идут под различными углами.

Несомненно, перед нами главный рудоподъемный ствол, через который поднималась на поверхность руда из горизонтальных выработок. Креплению его уделено большое внимание, так как он был предназначен для длительного функционирования¹⁰.

Интересен тот факт, что сверху ствол перекрыт накатом балок, поверх которых навалены камни, т. е. он был специально законсервирован и замаскирован. По сообщению Д. Л. Дунина-Барковского, обследовавшего участок с 1954 г., эта картина характерна для большинства выработок района.

Жилища рудокопов выявить трудно, так как они мало похожи на поселения других рудников, имеют очень бедный инвентарь. Лишь в 1962 г. выявлен один жилой комплекс. При осмотре разреза геологической канавы 1955 г. выяснилось, что она прорезала каменную кладку комнат. Раскопками выявлено, что жилой комплекс представляет собой многокомнатное сооружение, расположенное на площадке северо-западного склона хребта вблизи выработок. Площадка размером 21 × 5—7 м вымощена обломочными породами и с трех сторон обложена каменной кладкой. Почти вся площадь занята помещением, состоящим из коридора и группы комнат.

Коридор имеет длину 6,3 м. Стены его, сохранившиеся на высоту до 1,45 м, сложены из камня без раствора, толщина их 25—38 см. Ширина коридора на уровне пола 45 см. Две ступени в западной части выводят на открытую площадку — дворик (?) или в комнату с обрушившейся северной стеной длиной 5,2 м. В северо-восточной части коридор заканчивается очагом, около которого на плоском камне, служившем своеобразным кухонным столом, найдены два неглазурованных светильника.

С юго-востока к коридору примыкала группа, вероятно, из семи ком-

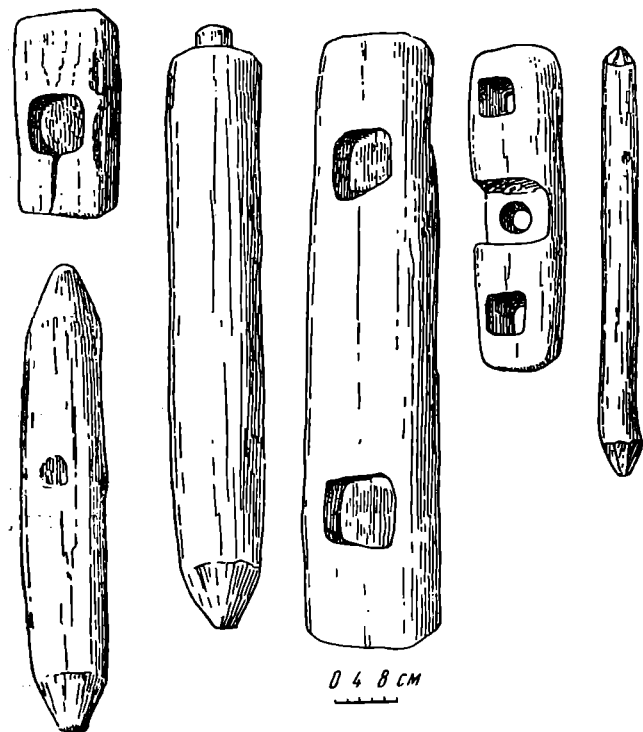

Рис. 1. Деревянные крепления древних рудников

⁹ Б. А. Литвинский ошибочно реконструировал эти детали как вертикальную стойку с бабкой. Б. А. Литвинский. Среднеазиатский горный промысел..., стр. 50.

¹⁰ Подобные способы крепления употреблялись в древности в особых случаях. Б. А. Литвинский. Среднеазиатский горный промысел..., стр. 50.

нат (частично вскрыто пять и две намечаются по микрорельефу). Комната № 1 размером $2,4 \times 3,4 - 3,6$ м имела неправильные очертания, слегка вытянута с северо-запада на юго-восток и частично разрушена канавой. Сохранились обрывки стен в юго-восточном и северо-восточном углах и северная стена.

Комната № 2 примыкала к описанной с юга. Размер ее $2,7 \times 3,6$ м. Она имела выход в комнату № 1, последняя соединялась проходом с кори-

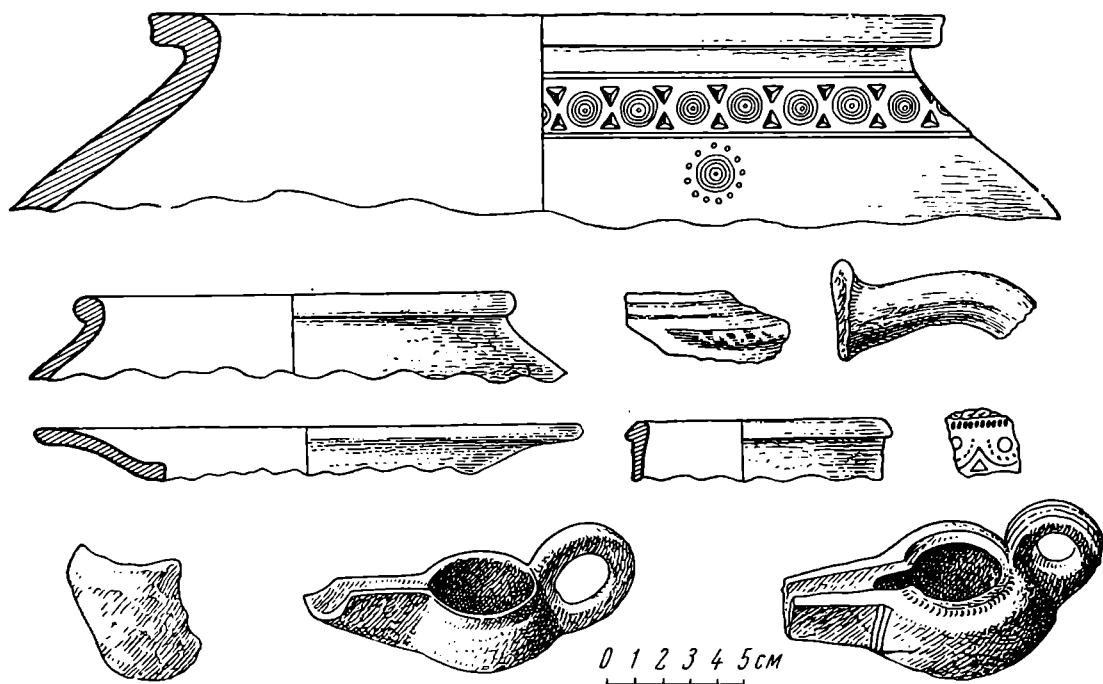

Рис. 2. Керамика Лашкерека

дором. С юго-запада к комнате № 2 примыкали два узких помещения № 3 и 4 шириной, соответственно, 1,6 и 1,4 м, вытянутые на запад. Помещения северной части меньше ввиду сужения площадки. Южная стена комнаты № 5 имела ширину 3,4 м, северная — 3,1 м, длина — 4,1 м. Комната № 6 имела размеры, вероятно, $1,4 \times 2,7$ м, а комната № 3 — $2,3 \times 2,5$ м. Характер северо-восточного угла неясен. Здесь располагались или открытый дворик или крошечные комнатки, западная стена которых обрушилась.

Находки немногочисленны. В комнате № 1 была найдена часть железного предмета, сильно расплюснутая шляпка клина и тоненькая железная пластинка с отверстиями для гвоздей. Встречено также несколько кусков металлических шлаков и красной глины. В коридоре найдена часть сосуда желто-зеленоватого стекла. Среди находок преобладают фрагменты глиняных сосудов (рис. 2). Всего в помещениях было найдено 58 обломков стенок сосудов, сделанных на станке быстрого и медленного вращения. Среди форм сосудов можно выделить корчагу из красной глины, лощеную и орнаментированную по плечикам прорезным орнаментом, подражающим чекану медных сосудов; фрагменты кувшинов с высокой цилиндрической горловиной, яйцевидным туловом и вертикальной ручкой, крепившейся одним концом к венчику, другим к плечу (снаружи они орнаментированы волнами и полосами); лепной горшочек с валикообразным венчиком, изготовленный из глины с шамотом; венчик красноглиняного сформованного на круге котла с декоративной ручкой и налетом в виде жгута. Подобные котлы бытуют большой промежуток времени, с первых веков нашей эры и доживают до X—XI вв. Следует упомянуть часть тарелковидной крышки с зубчатым орнаментом, плоскодонные неглазурованные чираги с петлеобразными ручками. Вместе с ними найдены два

осколка глазурованных чирагов, один покрыт темно-зеленой глазурью, второй — зеленой с белыми пятнами. Оба фрагмента принадлежат к ранней поливной керамике и могут датироваться IX в.

Основная группа керамики встречена среди отвалов. Это — хумы и хумча, широкогорлые корчаги, имевшие иногда рельефный орнамент, фрагменты котлов из глины с шамотом, лепных горшков бокалообразной формы и тонкостенных кувшинов, стенки, донья и ножки стеклянных сосудов. В огромном количестве встречены светильники. По форме они резко отличаются от светильников, найденных в жилых помещениях. Если первые светильники плоские с широким, устойчивым донцем, то светильники описываемой группы представляют собой грубые плоски с небольшим плоским и даже слегка округленным донцем, довольно высокими стенками и легким загибом венчика, носик небольшой, сплюснутый, ручка часто отсутствует. Они очень неустойчивы и имеют производственное назначение.

Следует особо остановиться на шлаках Лашкерека. Они отличаются от обычных шлаков цветом (преимущественно красноватым) и составом (содержат до 40 % свинца).

Подсчитанный Б. Н. Наследовым объем в 14 тыс. т ¹¹ составляет менее 1/3 действительного. Оставшаяся масса была переплавлена вторично, часть перекрыта дорогой или смыта водой реки, часть оставалась в стенах дувалов.

К сожалению, при сборе шлаков для переплавки были смыты и плавильные печи. Сохранились лишь их детали, обломки футировки, в основной части устья и свода печи из огнеупорной глины. Интересна находка сильно ошлакованной каменной пробки и керамической трубы. Печи вырывались в земле, стенки обкладывались камнем, свод — из специально обожженных кирпичиков. Печи имели искусственное поддувание, о чем говорят упомянутые пробка и глиняная труба.

Интересны факты образования глазури на стенках печи мутно-зеленого, желтоватого и сургучного цветов, близких по гамме к поливе сосудов VIII—IX вв.

Как известно, глазури в Средней Азии входят в широкое производство с VIII—IX вв. С IX в. щелочная полива сменяется свинцовой в Иране и Месопотамии ¹². Покрытая свинцовой поливой керамика преобладает в саманидскую пору в Средней Азии, широко проникает на периферию, к которой относится и верховье Ангрена (таблица).

Этот процесс совпадает с расцветом металлургии и, вероятно, в определенной мере стимулировался последним, ибо побочные продукты, в частности свинец, являлись важным компонентом глазури. Естественное глазуреобразование может способствовать изучению терморежима этого процесса. Близкие к ранней поливной керамике глазури начали совершенствоваться и усложняться.

Находок на месте плавки найдено немного. В основном это керамика, целиком неглазурованная: фрагменты грубых лепных и станковых сосудов встречаются красноразные. В селении Лашкерек в размывах ручья правого берега найдены фрагменты горшка с рифленным венчиком и округлым туловом; стенки покрыты мутно-белой глазурью. Анализ материала с учетом его локальных особенностей дает возможность предварительно датировать комплекс VII—X вв.

Шлаковые отвалы свидетельствуют во-первых, о громадном размахе металлургических работ, во-вторых, о специально направленном процессе плавки с получением лишь одного важного объекта добычи и оставлением в шлаке свинца.

¹¹ Б. Н. Наследов. Ук. соч., стр. 27.

¹² Э. В. Сайко. Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв. (по материалам керамических комплексов Хутталя, Согда, Ферганы). Душанбе, 1963, стр. 9, 11.

Сравнительный анализ глазури на шлаках, футировке печей и керамике Лашкереха ¹³

№ об-разцов	Наименование материалов	Si	Al	Mg	Ca	Fe	Mn	Ti	Cu	Pb	Ag	Zn	Sb	Cd	As	Ni	Co	V	Zr	Bi	Sn	Mo	N ₂	K
367	Наплыв на каменной за- тылке ¹⁴	1	0,03	0,01	1	0,01	0,001	0,001	1	0,03	0,001	0,3	0,03	—	0,03	—	—	—	—	—	—	—	—	—
363	Наплыв-глазурь красно- коричневого цвета	1	1	0,6	1	1	0,03	0,03	1	1	0,003	1	0,6	0,03	0,3	сл.	0,003	0,01	0,003	0,001	1	0,01	—	—
368	Наплыв-глазурь красно- коричневого цвета	1	1	0,3	0,6	1	0,03	0,05	0,003	1	0,003	0,03	0,01	—	—	0,003	0,001	0,003	0,003	—	0,001	—	0,6	—
368 ₄	Глазурь разноцветная	1	1	0,6	1	1	0,06	0,06	1	1	0,001	0,1	0,3	—	—	0,003	0,001	0,003	0,001	0,003	0,3	0,001	1	1
368 ₅	Глазурь разноцветная	1	1	0,6	1	0,6	0,06	0,01	1	1	0,003	—	0,01	—	—	0,003	—	0,001	0,001	0,001	1	—	1	1
368 ₆	Глазурь белая с ангобом	1	1	0,3	1	0,6	0,01	0,06	0,01	1	0,003	0,01	0,01	—	0,3	0,001	—	0,001	0,003	—	—	—	0,6	1
368 ₁	Стекло	1	1	1	1	0,6	0,3	0,06	0,003	0,03	0,03	—	—	—	—	—	—	0,001	0,003	—	—	—	1	1
368 ₂	Наплыв-стекло	1	1	1	1	0,6	0,06	0,06	0,01	0,01	—	—	—	—	—	—	—	0,001	—	—	0,003	—	1	1
361 ₁	Наплыв стекло	1	1	0,3	1	1	0,03	0,06	0,1	1	0,003	0,1	0,1	—	0,01	сл.	0,001	0,003	0,001	—	0,001	0,001	1	1

¹³ Анализ проведен в технологической лаборатории Института истории и археологии АН УзССР.

¹⁴ Остеклованная часть затычки получалась при плавке свинцово-серебряной руды.

Сравнение руды со шлаком привело еще Ф. И. Вольфсона к мысли, что древние плавильщики вели свой металлургический процесс с выделением меди из халькопирита и серебра из блеклых руд. Все остальные металлы в виде сульфидных соединений переходили в штейны. Этого можно было достигнуть, подвергая руду предварительному обжигу, при котором спекались халькопирит и тетраэдрит, а остальные сульфиды сохранялись в штейнах. Дальнейшее исследование показало, что основным предметом добычи являлось серебро, получавшееся из блеклых руд при относительно невысокой температуре.

Поражает огромный размах работ. По предварительному далеко не полному подсчету по отвалам, объем выработанной породы составляет более 600 тыс. т.

Пропущенные древними бедные рудные тела в целиках и иногда в отвалах содержат серебро от 100 до 1500 граммов на тонну. Некоторые образцы, взятые из остатков рудных тел, содержат десятки килограммов серебра на тонну. Это говорит о чрезвычайно высоком содержании серебра. Если взять за среднее содержание 0,7—0,8 кг металла на тонну, то получается, что здесь по самым скромным подсчетам не менее 500 т высококачественного серебра.

До последнего времени основным поставщиком серебра в средневековом Илаке считался южный Кара-Мазар, в частности Кани-Мансур — Канджол¹⁵. В Кани-Мансуре С. Ф. Машковцев помещал Кухи-Сим древних авторов¹⁶. Б. Н. Наследов считал, что выработки Кани-Мансура составляют 43% всей древней рудопромышленности Кара-Мазара¹⁷. Эти выводы основывались, во-первых, на недостаточной изученности района; во-вторых, рудники южного Кара-Мазара в большинстве случаев были открытыми и доступны исследователям (особенно грандиозные большой Карьер и главные камеры Кани-Мансура), в то время как выработки Лашкерека развиты в глубину и вдобавок часто перекрыты сверху накатом и завалом породы (он оценивается примерно в 250 тыс. м³, но руда южного Кара-Мазара беднее серебром, чем в Лашкереке).

Таким образом, если сравнительно с южным Кара-Мазаром данный район на первый взгляд казался разработанным слабо, то детальное изучение показало, что район был широко известен древним рудокопам. Судя по материалу, наиболее ранней датой деятельности рудника пока следует считать VII—VIII вв., а интенсивно рудник функционировал в IX—X вв.

Громадный объем работ, богатства его руд и характер выработок, развитых в глубину, — все эти данные выдвигают Лашкерек в один из крупных интенсивно эксплуатировавшихся серебряных рудников средневекового Мовераннаха. Кроме того, в отличие от многих мелких выработок Кара-Мазара Лашкерек входит в группу рудников, имевших высокую для того времени организацию работ и централизованный и целенаправленный характер разработок, определенные затраты на крепление как рудоподъемного ствола, так и боковых штреков, добычу руды на больших глубинах. О централизованном характере горнометаллургических работ

¹⁵ С. Ф. Машковцев. Кухи-Сим. «Геологический вестник», 1926, V, 1—3, стр. 66—69; его же. Горы Кара-Мазар. Путеводитель экскурсий III Всесоюзного съезда геологов. Л., 1928; его же. К вопросу о древней металлургической промышленности в горах Кара-Мазар и о знаменитых серебряных рудниках в древнем Туркестане. Тр. III Всесоюзного съезда геологов. Ташкент, 1929, стр. 357—370; Б. Н. Наследов, А. В. Королев. Месторождения Алтын-Топкана, Табошарского участка, Кан-Сая и Кани-Мансура в Кара-Мазарском районе. Там же; Б. Н. Наследов. Кара-Мазар. Л., 1935, стр. 266—269, 303—321; О. И. Исламов. Л. М. Рутковская. Геологоархеологическая характеристика древнего рудника Кани-Мансур. Археология Средней Азии, IV, Тр. САГУ, Ташкент, 1957, стр. 155—176. Б. А. Литвинский. Среднеазиатский горный промысел..., стр. 48.

¹⁶ С. Ф. Машковцев. К вопросу о древней металлургической промышленности, стр. 361.

¹⁷ Б. Н. Наследов. Кара-Мазар, стр. 9.

говорит и постановка в огромных масштабах транспортировки и плавки данных руд в районе Лашкерек.

Несомненно, перед нами большой государственный рудник по специальной добыче и плавке серебра. Не исключено, что он является одним из основных поставщиков серебра для Шап-Илакского монетного двора, высококачественная монета которого ценилась не только на Востоке, но и в Европе¹⁸.

В отличие от южного Кара-Мазара, здесь широко представлены сульфидные руды, есть даже самородное серебро. Этот район с большим основанием мог быть назван Кухи-Симом¹⁹. Характерный штрих: будучи не выработан до конца, ряд рудников законсервирован. Вероятно, это связывается с политическими событиями, возможно, с борьбой саманидов и караханидов в конце X в.

Впоследствии, после перерыва в XI—XII вв., некоторые выработки функционировали вновь, однако уже в более скромных масштабах. Ряд древних и, вероятно, основных рудников в это время так и остался законсервированным. Интересен в этом отношении разрез отвалов в «Малахитовом поле», свидетельствующий о мощной добыче руды в VIII—X вв., о перерыве и незначительной добыче в XI—XII вв.

¹⁸ М. Е. Массон, Ахангаран. Ташкент, 1953, стр. 75—78.

¹⁹ С. Ф. Машковцев. К вопросу о древней металлургической промышленности, стр. 359.

А. А. МЕДЫНЦЕВА

СЕРЕБРЕНИК ИЗ ЗАРЕЧЬЯ НА СТУГНЕ

В 1963 г. Приднепровская экспедиция Института археологии АН СССР (руководитель Б. А. Рыбаков) производила раскопки в с. Заречье (быв. Ханьбиково) древнерусской крепости конца X — начала XI в., входившей в систему оборонительной линии, построенной Владимиром Святославичем против печенегов по р. Стугне. При раскопках ворот, ведущих из посада в детинец, была найдена монета — так называемый «серебреник князя Владимира» (рис. 1). Серебреник был обнаружен на глубине 80 см в заполнении надвратной башни, что является первой находкой подобного рода в непотревоженном культурном слое при раскопках древнерусского городища.

По принятой классификации И. И. Толстого найденный серебреник Владимира относится к III типу и датируется началом XI века (до 1015 г.)¹.

Лицевая сторона: изображение князя в фас, сидящего на троне со спинкой и держащего обеими руками крест на длинном древке, наклоненный на левое плечо. На голове князя шапка из бус, увенчанная крестом. Надпись: ...ладимир на стол..., т. е. «ВЛАДИМИР НА СТОЛЕ» (начало и конец надписи стерты; рис. 2). Буква «Д» в слове «ВЛАДИМИР» имеет вид «Л», но, очевидно, это все-таки «Д» в виде буквы «Л» с перекладиной, часто встречающееся на серебрениках², но у которого при чеканке не отпечатались поперечная перекладина. Буква «Р» вычеканена наоборот, вместо «Ъ» — «Ь», возможно из-за отсутствия

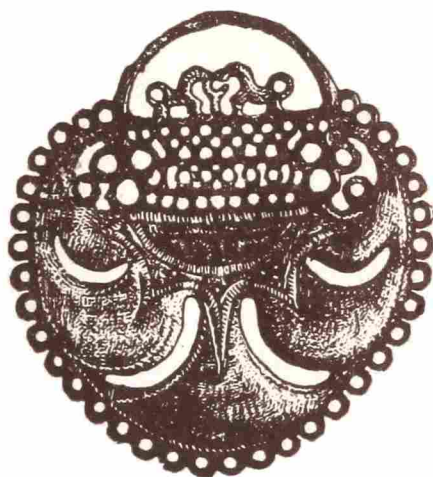
¹ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.

² И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты X—XI веков. ЗРАО, VI, нов. серия. СПб., 1893, стр. 59.

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3

1980

Ю. Ф. БУРЯКОВ

К ДАТИРОВКЕ И АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ ШАХМАТНЫХ НАБОРОВ

(в свете находок 1977 г. на Афрасиабе)

История шахмат — мудрой игры, получившей широкое распространение среди народов всех стран и явившейся составной частью культуры, — представляет большой интерес. Где зародилась эта игра, как проходило ее распространение и развитие? Со времени первого монументального специального труда Г. Меррея, вышедшего в 1913 г.¹, этому вопросу была посвящена обширная научная и популярная литература².

Родиной шахмат большинством исследователей определяется Индия, а отдельными авторами — Китай; в самой игре ученые видят различные истоки — от военной мысли до отражения сложных космологических теорий³. В последние годы в качестве ареала формирования шахмат выдвинут более широкий центральноазиатский регион, включающий, в частности, Северную Индию и южные районы Средней Азии⁴.

Фактологическая база этих гипотез еще слаба. Возрастающая роль среди источников принадлежит археологическим материалам, без которых, по мнению исследователей, сегодня не могут быть решены вопросы происхождения шахмат и их первоначального развития во многих странах мира⁵. Принципиальный интерес для истории формирования и ранних этапов развития этой игры приобретает выявление и датировка наиболее ранних шахматных наборов. К их числу принадлежит найденный в 1977 г. на городище Афрасиаб в Самарканде набор из семи миниатюрных фигурок слоновой кости⁶.

Сопровождающий наши находки материал представлен преимущественно керамическими и стеклянными сосудами, в основном круглодонными котлами и одноручными кружками, характерными для второй половины VII — начала VIII в. н. э. Более точную дату дают медные монеты. Это аббасидский фельс самаркандского чекана Дауда бин Гураза

¹ Murray H. J. A History of Chess. Oxford, 1913.

² Обзор литературы см.: Линдер И. М. Шахматы на Руси. Изд. 2-е. М., 1975, с. 14—33.

³ Орбели И., Тревер К. Шатранг. Книга о шахматах. Л., 1936; Gratz H. R. Schach im Wandel der Zeiten. Eine Internationale Ausstellung in Rahmen XIV Schach Olympiade. Bildcatalog. Leipzig, 1961; Needham J. Science and Civilisation in China, vol. 4, pt. 1. Cambridge, 1962, p. 314—333; Bidev. P. Sah — simbol kosmosa. Geneza šaha od kineske astrologije do indijske mistike. Skopje, 1972.

⁴ Ходжаев З., Дюмбель Ф. Новые данные по истории шахмат. — Шахматы в СССР. М., 1951, № 10; Майзелис И. К вопросу о происхождении и развитии шахмат. — Шахматы в СССР, 1952, № 10, 12; Тургунов Б. Новые данные к истории шахмат в Средней Азии. — ОНУ, 1973, № 11; Линдер И. М. У порога открытия. — СЭ, 1975, № 2.

⁵ Линдер И. М. Тайна происхождения шахмат. — Шахматы в СССР, 1975, № 11, с. 12.

⁶ Буряков Ю. Ф. Шахматные фигуры VIII в. с Афрасиаба. — ОНУ, № 9, 1977, с. 35—39; его же. Афрасиёб шахмат. — Фан ва турмуш, № 11. Ташкент, 1977, с. 11—12; его же. Самаркандские находки. — Шахматы в СССР, 1977, № 12, с. 18—19.

143 г.х. (760—761 г.н.э.); девять монет чекана самаркандского наместника Ашаба бин Яхья, из которых одна 144 г.х. (761—762), такого же типа (в ней читаются лишь сотни) и четыре сильно обломанных, но этого же времени. Все эти материалы позволяют датировать слой с фигурками самым началом второй половины VIII в., а сами фигуры, учитывая стилистические аналогии и длительность употребления (по степени залощенности), не позднее VII в. н. э. Детальное исследование набора позволит уточнить датировку и назначение ряда шахматных фигурок из других находок, хранящихся в собраниях крупных музеев мира.

Остановимся кратко на самаркандских фигурках. Поделки высотой от 2,6 до 4,8 см на плоском, овальном в плане основании. Из них одинаковы только две самые маленькие фигурки высотой 2,6—3 см, при ширине 1,5—1,6 см и длине 1,2 см (рис. 1, 1, 2). Они изображают пешего воина, припавшего на правое колено. В левой руке его щит неправильной округлой формы с металлическим умбоном в виде многолепесткового цветка. В согнутой в локте правой руке воина оружие типа широкого короткого меча, конец которого опирается на плечо. Фигуры воинов переданы в стилизованной манере, редкими штрихами трактованы детали одежды, прямые прически. Несомненно, в наборе они играли роль пешек.

Третья фигурка (рис. 1, 3) изображает слона с погонщиком-карнаком на голове. Поделка высотой 3,7 см при длине 3 см и ширине 1,5 см. Слон массивных пропорций, завитый в кольцо хобот опущен до земли. Насечкой подчеркнута, вероятно, кольчуга, покрывающая туловище. Погонщик с характерным для набора щитом в левой руке, правая согнута в локте, но предмет в ней неясен. На голове убор типа округлого шлема с рифлением. Позу слона с опущенным до земли хоботом можно считать характерной для ранних шахмат.

Четвертая фигурка высотой 3,7 см (рис. 1, 4) изображает всадника на коне. Несмотря на не очень хорошую сохранность (залощенность правого бока и разрушенность от влаги левого) и стилизованную манеру передачи, можно подчеркнуть ряд характерных особенностей. Всадник имеет прямую посадку с задрапированной, прямо опущенной ногой, свидетельствующей об отсутствии стремени. Лицо, выполненное схематически, выдается вперед. На нем лишь намечены нос, округлые глаза, небольшой рот. Головной убор типа невысокого округлоконического шлема с рифленным переходом к закругленной тулье слегка сдвинут на затылок. Детали снаряжения сохранились фрагментарно. В левой руке характерный щит, в правой — кривое оружие, причем последнее четко показано лежащим на вершием на плече. Можно отметить справа сзади воина вертикально опускающийся цилиндрический колчан, а слева за всадником округлый треугольник налущья.

Конь довольно стройных пропорций, с небольшой головой, острым гребешком гривы на холке, показан в легком движении. Из снаряжения его четко очерчена узда, остроугольный поклад потника или попоны и пояски ременной шлеи.

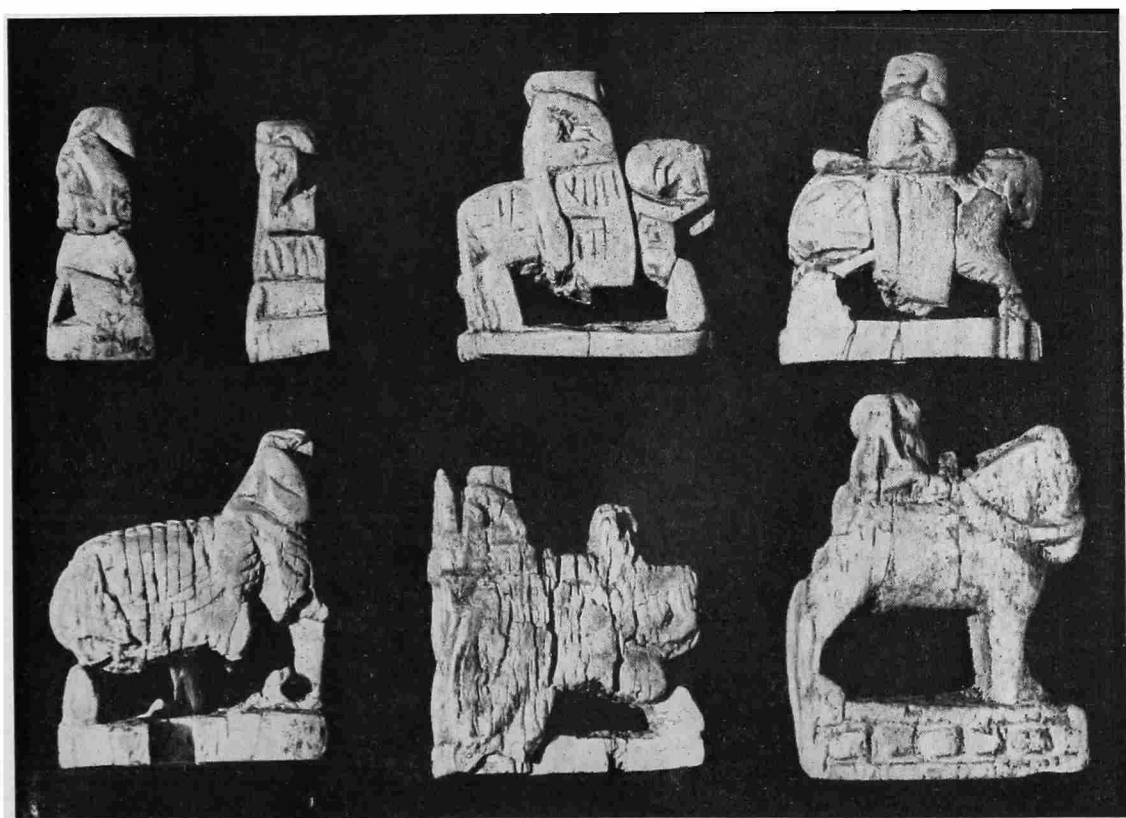
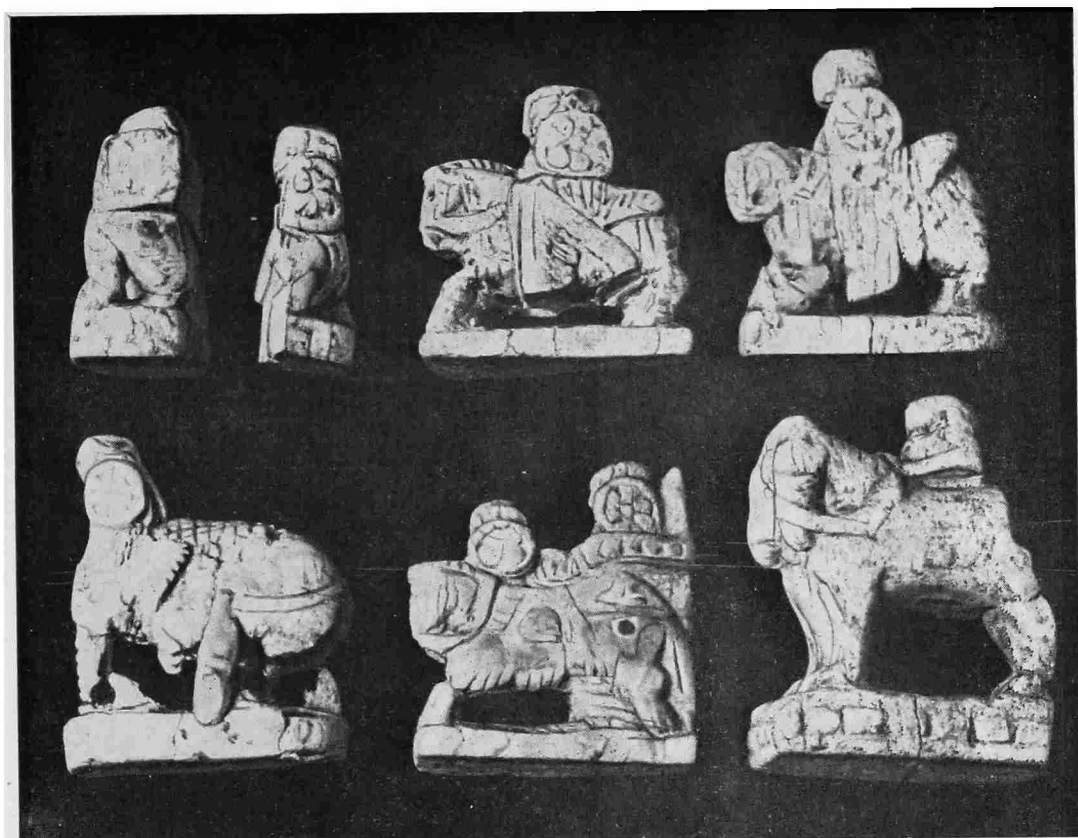
В связи с этой фигуркой следует отметить находку в 1976 г. севернее описанного пункта, но также в пределах соборной мечети еще одной миниатюрной скульптурки. Получена она из раскопа археолога М. Садиева, первичная популярная характеристика принадлежит А. Дильмурадову, неверно определившему ее как мраморную и датировавшему находку VI в. н. э.⁷ М. Садиев отнес ее к поделкам из слоновой кости и датировал VI—VIII вв., отметив найденную вместе с ней согдийскую монету VII в. н. э.⁸ В действительности фигурка не слоновой кости, а выполнена

⁷ Дильмурадов А. Ибодатхона устида... Масжид.— Ленин йули, 22 сентября 1976.

⁸ Садиев М. Шахматная фигурка с городища Афрасиаб.— В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте ТаджССР). Душанбе, 1977, с. 65, 66.

Рис. 1. Шахматный набор, найденный на Афрасиабе в 1977 г.

Шахматный набор, найденный на Афрасиабе в 1977 г.
вверху — вид слева, внизу — вид справа

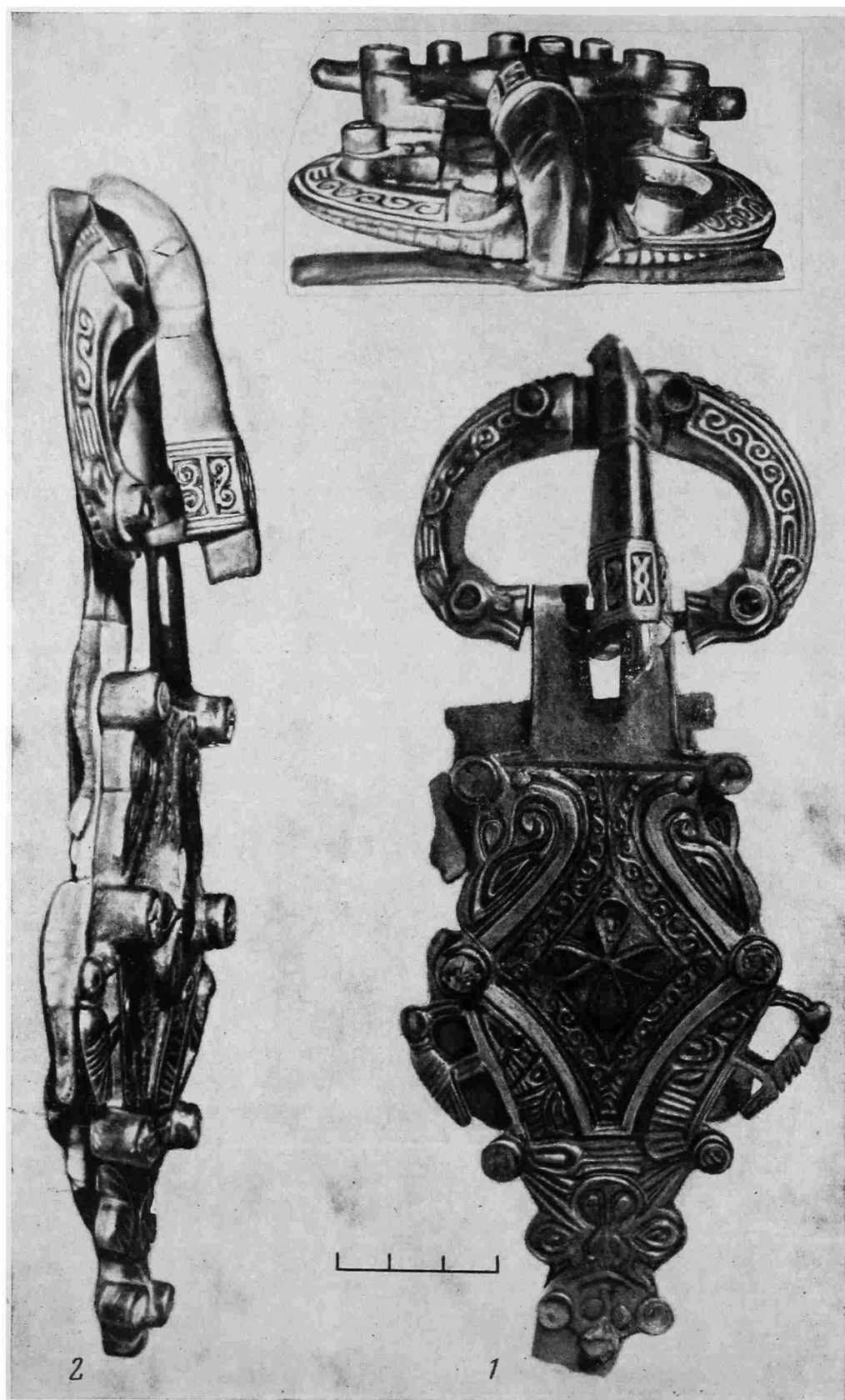

Рис. 2. Серебряная пряжка из склепа 288. Масштаб относится к № 1

скорее всего из ребра животного. Цвет ее серо-черный, высота 3,3 см, длина 2,9 см, ширина 0,7 см. Фигурка сильно залощена. Она также изображает всадника, сидящего на коне. Лицо и фигура схематичны, но посадка хорошо передает наличие стремян — ноги всадника полусогнуты и вынесены ступнями вперед. В правой руке всадника, вероятно, палица. В левой руке неясный предмет. Конь передан стилизованно. Крупная утяжеленная голова, не проработанное снизу туловище, укороченные ноги. Хвост длинный до пола, как и у нашей фигуры, рельефно показана узда и подчеркнуты детали конского убора (часть попоны, подхвостник, возможно, с украшавшими плечу бляшками). Основание фигурки украшено линией перлов. Помимо монеты для датировки можно исходить из стратиграфического положения поделки. Она извлечена из-под пола мечети, построенной после 712 г., и, учитывая значительную залощенность в использовании, может быть датирована VII в. н. э. При определенной стилистической близости нашему набору она изображает воина на коне уже со стремянами. Появление стремян в Средней Азии относится к VI—VII вв. н. э. и связывается с тюрками⁹. Как мы видим, не позднее VII в. появляется изображение всадников со стремянами и в шахматах¹⁰.

Рис. 2. Фигурка коня с Афраснаба (Гос. Эрмитаж)

Эти ориентированные во времени фигурки представляют базу для датировки деталей других наборов. В первую очередь к ним можно отнести интересную по выразительности и реалистичности исполнения фигурку из коллекции Государственного Эрмитажа, найденную на Афрасиабе и приобретенную в 1905 г. у Комаровой¹¹. Поделка из слоновой кости довольно крупных размеров высотой 7 см, длиной 5,5 см и шириной 1,8 см на овальном в плане основании, боковая поверхность которого украшена поясом перлов (рис. 2). Фигурка изображает всадника на коне с поднятой в правой руке булавой. Посадка с вынесенными вперед ногами и горизонтальной ступней передает наличие стремян, хотя ни седло ни стремяна в натуре не показаны. Всадник с крупной головой, большим слегка приплюснутым носом, округлым головным убором. Очень реалистична передача коня вплоть до украшенного бляшками убора. Фигурка описана И. А. Орбели и К. В. Тревер, которые, обнаружив ряд аналогий в деталях с памятниками сасанидского искусства, отнесли ее осторожно к VIII—IX вв., считая возможным переживание этого стиля в ремесле и искусстве Средней Азии постсасанидского периода¹². Однако в свете

⁹ Кирпичников А. Н. отмечает, что древнейшие стремяна известны в IV—V вв. в Корее и Японии. В Восточной Азии их заимствовали тюрки, с которыми стремяна хлынули на Запад. См. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XII вв. Л., 1973, с. 43.

¹⁰ Можно допустить период сосуществования традиционных изображений всадников без стремян и со стремянами.

¹¹ Коллекция СА — 14770.

¹² Орбели И., Тревер К. Ук. соч., с. 144, 145.

последних находок на Афрасиабе возможно отнесение фигурки к тому же периоду, с которым связан весь круг аналогий, т. е. к VII в. н. э.

Пятая фигурка наиболее хорошей сохранности (рис. 1, 5). Она близка по типу к описанной, но более массивна, хотя и меньше по высоте. Высота ее 3,2 см, ширина 1,6 см, длина 3 см. Поделка представлена всадником на львopodobном коне. Переданы характерные черты коня в движении, хвост опущен до пола. Но массивная морда с небольшим носом, округлыми, выпуклыми глазами, густой гривой более характерна для льва. Животное взнуздано, седла не видно, но подчеркнуты детали крупной попоны.

Всадник укороченных пропорций, фигура трактована стилизованно. Лицо передано схематично, глаза крупные, округлые, широкий нос слегка приплюснут. Лицо больше похоже на львиную маску. Голова сверху плоско срезана. Посадка всадника прямая, передающая отсутствие стремня. Ноги изображены в виде прямой линии с опущенными носками. Сзади косыми насечками передана ткань одежды или защитный доспех. Эта деталь находит близкие аналогии в искусстве сасанидской эпохи, в частности в изображении сцены Шапура III, поражающего льва, на бронзовом блюде из Эрмитажа¹³. Вдоль ноги его также косыми насечками показана ткань или пояс защитного доспеха. Те же детали можно проследить и в конной фигуре Шапура II¹⁴. Возможно, деталь эта, изображавшая первоначально ткань, затем используется и в передаче доспеха в виде кольчужных поножей. В левой руке всадник держит круглый щит с умбоном, украшенным семилепестковой розеткой из перлов по краям и в центре. Мотив этот широко распространен в пору раннего феодализма от украшения костюма до деталей конской упряжи в разных материалах от бронзы до штукатурки¹⁵.

В правой согнутой руке, как у большинства фигур, оружие типа одноплезвийного короткого меча с изогнутым лезвием. Близких аналогов найти ему не удастся, хотя на различных этапах подобное оружие встречено от Ближнего Востока до Северной Европы в V—XIV вв. н. э.¹⁶ Слева на поясе изображены висящие наискосок длинные прямые ножи, не соответствующие форме меча, сзади подтреугольное налучье, справа сзади цилиндрический колчан для стрел. Это снаряжение характерно для сасанидского или согдийского вооружения тяжелой конницы¹⁷.

Поделка находит поразительно точные аналогии с шахматной фигуркой из Ирана (рис. 3, 1), хранящейся в Метрополитэн музее Нью-Йорка¹⁸. Крупная, высотой 10 см, скульптурка из слоновой кости на овальном в плане, украшенном бордюром из перлов основании изображает всадника, сидящего на фигуре, похожей на льва с широкой мордой, округлым крупом и массивными ногами. Всадник укороченных пропорций, с плоско срезанной головой, выдающимся вперед лицом, выпуклыми глазами и приплюснутым носом.

Косыми насечками передан костюм или защитный доспех. Характерна посадка с опущенными вниз ступнями. В левой опущенной руке округлый орнаментированный щит, тождественный афрасиабским. К сожалению, в публикации представлено фото лишь одной стороны фигурки, поэтому мы не знаем, что у воина в правой руке. Находка ориентировоч-

¹³ A Survey of Persian Art. London and New York. Sec. Impr., Tokio, 1967, v. VII, pl. 205.

¹⁴ A Survey of Persian Art..., pl. 211.

¹⁵ Ibid., pl. 166, 175 — A.

¹⁶ Seitz H. Blahkwaffen. Wützburg, 1965, S. 70, pl. 46; S. 187, pl. 92, 193. Latvijas Archaologia, DSR, Riga, 1976, tab. 39, 19.

¹⁷ Распопова В. И. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. — КСИА АН СССР, № 122. М., 1970, с. 88, 89.

¹⁸ Chess: East and West, Past and Present. Intr. by Ch. K. Wilkinson. New York, 1968, pl. 3.

Рис. 3. 1 — фигурка ферзя из Метрополитэн музея, 2 — фигурка короля из Гос. Эрмитажа

но датирована XI в., однако тождество ее афрасиабскому набору позволяет указать более раннюю дату и отнести фигурку к VII—VIII вв. н. э.

Кроме того, тип всадника со срезанной головой, сидящего на львopodobном животном, найденный в различных пунктах, заставляет считать его характерным для фигуры определенного типа шахматного набора. Вероятно, более прав И. М. Линдер, предложивший трактовать эту фигурку не как коня, а как фарзина-ферзя¹⁹. Это предположение можно подкрепить этнографическими материалами из шахматных наборов кочевых народов, у которых ферзь изображается в виде льва и даже имеет соответствующий термин «арслан»²⁰.

Интересна шестая фигурка высотой 3,4 см, шириной 1,3 см, длиной 3 см (рис. 1, б). Она изображает двух всадников, сидящих на тройке лошадей. Первый, погонщик, сидит на холке. Слева он прикрыт характерным для набора щитом. Изображение правой, расслоившейся стороны не сохранилось. Вторая фигура сзади более крупных размеров, изображает всадника, сидящего в богато украшенном кресле, представляющем собой редуцированную колесницу. Кресло имеет прямо поставленную спинку, закругляющуюся сверху. Основание сзади и подлокотники кресла украшены пояском перлов. Всадник держит в левой руке щит, в правой — кривой короткий меч. Проработка всадников схематична. Лошади имеют три головы, но далее идут два туловища. Четко прорисована их сбруя от уздечек до подхвостников, высокие холки с гривами, опущенные до пола хвосты. Судя по значению, фигура обладала большими боевыми качествами. Учитывая это и исходя из современных свойств фигуры, мы пред-

¹⁹ Линдер И. М. Ценное открытие. — Шахматы в СССР. М., 1977, с. 20.

²⁰ Кочешков И. В. Шахматы у монголоязычных народов XIX—XX вв. — СЭ, 1972, № 1, с. 133, 134, рис. 1, 4—5 на с. 133.

положили, что она обозначает ферзя²¹. Однако анализ древних правил показал, что на ранних этапах самой могучей фигурой являлась ладья-рух. Интересно сравнительное описание этих фигур в «Шахнаме» Фирдоуси²².

Наставник в сражение близ шаха идет

И только на клетку уходит вперед...

А рухов не может никто обогнать

Дано им все поле насквозь пролетать.

И. А. Орбели и К. В. Тревер считали ладьей-рухом хранящуюся в Эрмитаже фигуру из слоновой кости, изображающую хищную птицу, клюющую другую, возможно утку²³. Фигурка высотой 5 см, шириной 2,5 см, толщиной 2,8 см найдена в Фергане (Чуст) в 1885 г. и поступила в Эрмитаж из коллекции Н. И. Веселовского²⁴. Подставка неустойчива, но внизу есть гнездо для штыря, на который она когда-то была насажена. Наличие костяных наверший подтверждается этнографически.

На основании этого авторы высказывают мысль о замене рухом «незнакомой и чуждой строю сасанидского войска боевой колесницы в порядке замены конкретного, но чуждого образа фантастическим, но близким и хорошо знакомым»²⁵. Однако материалы показывают, что замена была частичной: хотя в некоторых регионах стал господствовать новый термин, все же у ряда народов трансформированная колесница осталась символом ладьи. Так, у монголов вплоть до наших дней ладья изображается в виде повозки, запряженной парой лошадей. Иногда она заменяется повозкой, запряженной быками²⁶. И если рассматривать этапы стилизации шахматных фигур, то, конечно, от данной фигуры, а не от птицы рух, «у которой остались лишь обрубки крыльев в виде верхних выступов», надо выводить арабскую средневековую ладью, в выступах которой проступают головы коней и навершие колесницы, а в двух средних складках — возникший и воин²⁷ или просто остаются два крупных выступа при S-образном прогибе²⁸.

Седьмая фигурка несколько крупнее остальных и отличается деталями (рис. 1, 7). Высота ее 4,1 см, длина 3,2 см, ширина 1,7 см. В ней представлен невооруженный всадник, сидящий на тройке лошадей. Левой рукой он сжимает поводья, в правой — булава. Как и в предшествующей фигуре, три головки лошадей переходят в два туловища. Ни седла, ни украшений на лошадях нет, но они стоят на высоком основании с бордюром из перлов. Крупные размеры фигуры, наличие символов власти и полное отсутствие вооружения позволяют предположить, что перед нами король.

Однако изучение фигур из восточных коллекций музеев позволяет выделить короля ранних наборов, трактуемого и в ином плане. Особый интерес в этом плане представляет хранящаяся в Государственном Эрмитаже фигурка, упоминаемая в качестве пешки²⁹, хотя и не получившая детального описания в научной литературе. Поделка из слоновой кости (рис. 3, 2). Точное место находки ее неизвестно, но поступила

²¹ Буряков Ю. Ф. Шахматные фигуры..., с. 37.

²² Перевод И. М. Дьяконова. Цит. по кн.: Орбели И., Тревер К. Шатранг..., с. 193.

²³ Орбели И., Тревер К. Ук. соч., с. 145.

²⁴ Коллекция СА — 14769.

²⁵ Орбели И., Тревер К. Ук. соч., с. 146, 147.

²⁶ Кочешков Н. В. Шахматы у монгольских народов..., с. 133, 134.

²⁷ Ср. Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1975, с. 29. Им же впервые в связи с находкой нашего шахматного набора на Афрасиабе высказано предположение о данной фигуре как исходной для последующей стилизации. См. Линдер И. М. Ценное открытие..., с. 20.

²⁸ Арабские шахматные фигуры VIII—IX вв. См. Линдер И. М. Шахматы на Руси, рис. на с. 28, 29, ладья.

²⁹ Фигурки из среднеазиатской коллекции. Шифр СА — 2184; см. Линдер И. М. Шахматы на Руси, рис. на с. 28.

она из коллекции В. Н. Кастальского, что позволяет, учитывая круг его интересов, предполагать ее афрасиабское происхождение. Фигурка размером $4,5 \times 3 \times 1,5$ см изображает сидящего мужчину. Лицо выполнено схематично, намечены лишь крупные глаза, и рельефно показаны уши. На голове низкий головной убор с проработкой сверху граней как у тюрбана. На шее крупное ожерелье. Торс с резким сужением к узкой талии, перетянутой поясом. Мужчина сидит, вероятно, подложив под себя правую ногу (она не сохранилась) и выставив левую прямо. Левая рука свободно лежит на колене, правая не сохранилась. Сама манера передачи фигуры с крупной широкой грудью и узкой талией характерна для изображения диканской верхушки и знатного воинства Согда. Это прослеживается, например, в изображении диканской верхушки в монументальных росписях Согда, на Афрасиабе, на щите с горы Муг и др. Принадлежность к знатному сословию подчеркнута и крупным ожерельем. Однако сохранившаяся фрагментарно подставка фигуры очень неустойчива. Несомненно, это лишь часть фигуры. Анализ ранних шахматных наборов показывает, что невооруженной фигурой был лишь король. Если учесть и характер изображения в виде знатной персоны, атрибуция его как пешки не представляется возможной. Для ее понимания интересно привлечение шахматной фигуры, хранящейся в национальном кабинете медалей Франции (рис. 4). Это крупная, высотой 15,5 см скульптурная группа, в центре которой — царь, сидящий на слоне в открытом паланкине типа трона-тахта. Вокруг восемь пеших воинов и четыре конных фигуры. По описанию слон хватает хоботом акробата³⁰. Однако фактически изображена сцена битвы. С головы слона свешивается убитый погонщик-карнак, а слон хватает хоботом воина противника, стаскивая его с коня. Но обратимся к фигуре короля. Он сидит в свободной позе, подогнув под себя одну ногу и слегка выставив вперед другую. Рука покоится на колене. На голове его корона или богато расшитый тюрбан, на шее — крупное ожерелье. Нельзя не отметить, что положение фигуры, поза и даже детали украшений совершенно аналогичны поделке из Эрмитажа. Правда, уровень исполнения значительно выше. Перед нами завершенная миниатюрная скульптурная группа с тщательной проработкой всех деталей от отделки лица, волос, усов, короны короля, до тщательной разделки конского убора и конного воинства, их оружия. И это не случайно: фигурка по традиции относилась к набору из подарка халифа Гаруна ар-Рашида королю Карлу Великому. Датировалась она в пределах от IX в. (около 800 г. н. э.) до эпохи Акбара и трактовалась как индийская пластика с сигнатурой арабского резчика. На основании ее сохранилась надпись: «амала Юсуф ал Бахили». Чтение лакаба не совсем уверенное, но почерк считается архаическим, характерным для IX—X вв.³¹ Бахилийцы известны по источникам. Они населяли район Басры, упоминаются среди начальников арабских военных отрядов, выступавших в Индию, среди приближенных халифов, философов, поэтов, литераторов VII—IX вв.³² Однако в последние годы большинство исследователей склоняется к поздней датировке фигуры. Занимавшийся миниатюрой Индии Моти Чандра отметил, что костюмы воинов по аналогии с персидской миниатюрой могут быть отнесены к периоду 1300—1560 гг., а орнамент круглого основания (перлы) найден в другом персидском манускрипте того же времени³³. Поэтому исследовавший данную фигурку Д. Барре считает ее произведением гуджерат-

³⁰ L'Islam dans les collections nationales. Paris, 1977, p. 150, 151, p. 27.

³¹ Barrett D. Note on the Elephant Ivory in the Cabinet des Medailes.— Oriental Art. New Series, № 1, 2. London, 1955, p. 51.

³² Zambauer. Manuel de généalogie et de chronologie. Hannover, 1927, p. 279; Encyclopaedia of Islam, 2-nd ed., vol. 1, p. 920 — «Bahila».

³³ Chandra Moti. Jain Miniature Paintings from Western India. Ahmedabad, 1949, p. 123, fig. 136.

Рис. 4. Фигурка короля из кабинета медалей (Франция)

ского искусства XV в.³⁴ Эта точка зрения сохранилась и в современных описаниях и каталогах данной коллекции³⁵. Однако и выполненная типичным саманидским куфическим стилем надпись и орнаментальные детали — передача попоны или кольчуги слона, конского убора, разделка основания перлами, некоторые элементы одежды — находят довольно близкую аналогию в наших комплексах, а главное, сам реалистический стиль изображений позволяет вновь вернуться к ранней датировке в пределах IX в. Ранняя дата (IX в.) принята для данной фигурки и Э. Кюнелем, рассматривавшим шахматные наборы в составе исламского искусства Востока и нашедшим в пользу этого ряд дополнительных аргументов³⁶.

³⁴ Barrett D. Op. cit., p. 51.

³⁵ L'Islam dans les collections..., № 377.

³⁶ Die islamischen Elfersculpturen VIII—XIII Jahrhundertm bearbeitet von Ernst Kühnel. Berlin, 1971, S. 1, 30—31, Taf. VI—VII, № 17a, b, c, d, e.

Тожественность изображения всадников данной фигурки и поделки из Эрмитажа дает основание считать последнюю также частью фигуры короля. В этом плане следует отметить и известную в литературе фигуру как называемого *Elephant rook* — «Руха-слона» из частной коллекции д-ра Ф. Р. Мартина³⁷. Фигурка из слоновой кости высотой 6 см, изображающая слона с треном на спине и покрытого стилизованно переданным ковром или попоной. Хоботом он перехватывает какое-то животное. По аналогии с фигурой из коллекции Карла Великого слон-рух датируется XV в. Однако изображение трона-паланкина на спине заставляет предполагать в нем не слона-руха, а часть королевской фигуры, на которой должен сидеть всадник типа воина из Эрмитажа. И хватает он хоботом, вероятно, схематично переданного всадника противника, как это представлено на фигуре из набора Карла Великого. Это стилизованная передача характерной фигуры IX в., причем стилизация, не утерьявшая зримых черт оригинала. И она не должна быть удалена во времени, особенно учитывая, что перед нами экземпляр рядового, а не царского подарочного набора.

Анализ древнейших шахматных фигур позволяет утверждать, что шахматы зародились и развивались в первую очередь как военная игра, сражение двух армий, завершающееся поражением одного из правителей, что между прочим подчеркивается в ранних поэтических произведениях.

В процессе развития игры совершенствовались правила, ее теоретические и стратегические возможности. Шахматы получили широкое распространение среди различных слоев населения восточных стран, несмотря на отрицательное к ним на первых порах отношение ортодоксальных мусульманских требований. В то же время, с одной стороны, под влиянием догм ислама, не разрешавшего изображение живых существ и в первую очередь человеческих фигур³⁸, но в еще большей мере и в связи с демократизацией шагнувшей в народные массы игры происходит быстрая стилизация фигур. И уже начиная с IX в. в наборах шахмат в лучшем случае остаются фигуры животных, а чаще появляются такие упрощенные наборы, в которых трудно узнать прототипы. К их числу могут быть отнесены и стеклянный конь из слоя XI—XII вв. Афрасиаба³⁹, и фигурка слона XI в. из национального музея Борджелло во Флоренции⁴⁰, и стилизованный набор поделок из слоновой кости X в. с городища Хульбук в Южном Таджикистане⁴¹.

Yu. F. Buryakov

ON THE DATING AND ATTRIBUTION OF SOME CHESS SETS (In the light of finds of 1977 at Afrasiab)

Summary

The article is devoted to the analysis and dating of a unique chess set, found during the author's excavations at the territory of a cathedral mosque at the fortified settlement Afrasiab in Samarkand in 1977. Basing on this find the author attributes a series of chess figurines from the Middle Asia and its neighbourhood from different museums. The collection of 7 ivory figurines from Afrasiab is a unique early medieval complete chess set. The analysis of figurines and accompanying material let the author say, that the set was made not later, than the VIIth century A. D., and buried in the cultural deposit in

³⁷ A Survey of Persian Art..., vol. IV, pl. 1435 B.

³⁸ Линдер И. М. Шахматы на Руси, с. 28, 29.

³⁹ Обельченко О. В. Шахматный конь с городища Афрасиаб.— ОНУ, 1969, № 6, с. 47, 48.

⁴⁰ A Survey of Persian Art, vol. VI, pl. 2661.

⁴¹ Гулямова Э. Хульбук — столица Хутталя. Душанбе, 1969, с. 20—26.

the middle of the VIIIth century A. D. Made in a realistic manner, the set characterizes the role of every figure in the period of the establishment of the chess game, and, in accordance with the written sources, let the author claim, that chess appeared and developed first as a military game, a battle of two armies with the more and more complicated tactics and strategy and the change of role of different figures in the process of improving of the rules. Basing on the Samarkand set, the author made an attempt of dating and attribution of some figurines from other sites of Middle Asia and its neighbourhood. The analysis of asynchronous collections shows, that in the process of development of the game, in parallels with the improving of the rules and changes of role of some figures, in the IXth—XIIth centuries, under the influence of the Islam dogmata and the democratization of the game a stylization of figurines takes place, as a result of which it was impossible to recognize their prototypes in some cases. The find of chess at Afrasiab let the author trace real ways of evolution of chess figurines from the VIIth till the Xth—XIIth centuries A. D.

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

XXIII

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Ю. Ф. БУРЯКОВ, М. Н. ФЕДОРОВ

НОВЫЙ КАЙРАК С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

В октябре 1969 г. во время обследования разрезом по северной границе городища Афрасиаб (шахристан-Самарканда), проходившей вдоль канала Сиаб, примерно в 300 м западнее цитадели, в верхней части обрыва авторами этих строк был обнаружен древний надгробный камень — кайрак.¹ Найден он несколько сползшим по обрыву, без каких-либо признаков, указывающих на наличие в этом месте погребения.

Кайрак представляет собой плоскую, овальную, продолговатой формы, гладко окатанную гальку из темно-серого песчаника длиной 52 см, шириной 15 см. В верхней части его проходит семистрочная надпись, обрамленная прямоугольной рамкой, вершина которой оформлена в виде низкой стрельчатой арки со сложным переплетением в своде и двумя шестилепестковыми розетками по сторонам (см. рисунок). Надпись нанесена уверенной рукой мастера-профессионала, выполнена довольно изящным куфи со специфическим начертанием конечной буквы «йа»: [1]

- [1] هذا قبر
[2] الأمير أبو الهاجر
[3] محمد بن عمران بن محمد
[4] بن الاحوص الانصاري
[5] المدينى رحمة الله
[6] عليه و نور مضجعه
[7] وغفر له

- [1] Это — могила
[2] амира Абу-л-Мухаджира
[3] Мухаммада сына Имана сына Мухаммада
[4] сына² ал-Ахваса ал-Ансари
[5] ал-Мадини, да помилует его Аллах
[6] и да осветит его ложе
[7] и простит его.

Хотя дата смерти в эпитафии отсутствует, очень специфические и редкие имена погребенного и его предков позволяют примерно определить ее. Чисто арабские имена ал-Ахвас и ал-Мухаджир характерны для омейядского и раннеаббасидского времени. В данном случае, учитывая дату завоевания Самарканда арабами, можно говорить о VIII—IX вв.

Очень соблазнительно предположение, что прадед погребенного под найденным нами камнем, ал-Ахвас ал-Ансари ал-Мадини, — безызывестный мединский поэт-лирик, умерший в 723 г. Оно тем более вероятно, что среди сравнительно немногочисленного круга потомков ансаров (мединских союзников Мухаммада) вряд ли было много людей со столь редким именем. Если это так, то кончину Абу-л-Мухаджира Мухаммада можно датировать началом IX в.

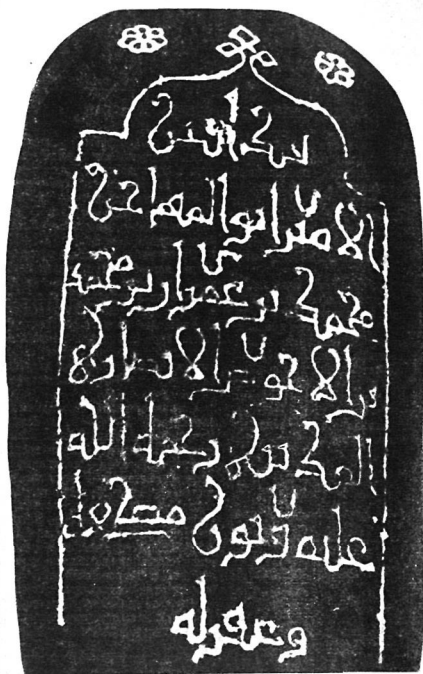
Следует отметить, что в одном из источников упоминается в VIII в. в Самарканде эмир Мухаджир, который провел канал Рахмат и осваивал земли близ могилы пророка Данияра: «После завоевания Самарканда [арабами] и раздела доставшегося имущества эта местность досталась эмиру Мухаджиру. Она была безводной, и он провел этот канал, и пропустил воду до Таловой рощи и Матырида, и всю местность обратил в зеленую».² Не связано ли погребальное сооружение с реальным лицом, отцом эмира, проводившего канал? Захоронение его в спокойный для арабов период непрерывных согдийских восстаний VIII в. во внутренней медине близ соборной мечети, в которую было превращено доарабское капище самаркандцев, представляется вполне закономерным.³

Данные эпиграфического порядка и детали орнаментального оформления говорят, однако, о значительно более позднем происхождении

² Кавдия Малая / Пер. В. Л. Вяткина. — В кн.: Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1905, вып. 8, с. 263.

³ Смирнова О. И. Очерки из истории Согды. М., 1970, с. 206.

¹ Массон М. Е. Среднеазиатские надгробные кайраки. — ЭВ, 1956, вып. 11, с. 3.

Эпитафия Абу-л-Мухаджира Мухаммада.

кайрака, позволяя поместить его хронологически между надгробием 1146 г., опубликованным О. Г. Большаковым,⁴ и кайраком с эпитафией шейху Абу Закария ал-Варагсери, который М. Е. Массон датирует XIII в.

Среди признаков, позволяющих предложить такую датировку кайрака, М. Е. Массон называет написание слова «сын» в форме ابن и громоздкую титулатуру перед именем покойного.⁵ На обнаруженном нами кайраке слово «сын» передано в форме بن, т. е. так же, как и на кайраке 1146 г., опубликованном О. Г. Большаковым. На афрасиабском кайраке отсутствует и громоздкая, пышная титулатура. Орнаментальное же переплетение в своде нашего кайрака в определенной мере перекликается с орнаментом внизу ташкентской стелы. Поэтому нам кажется, что афрасиабский кайрак можно датировать второй половиной XII—началом XIII в.

Несоответствие между содержанием эпитафии и временем ее нанесения на кайрак может быть устранено, если считать его поздним возобновлением древнего текста, выполненного впервые в VIII в. Такие явления не так уж редки в восточной, и в том числе среднеазиатской, эпиграфике. В частности, кайрак, который М. Е. Массон датирует XIII в., имеет эпитафию шейху Абу Закарию ал-Варагсери, умершему в первой половине IX в. (в ноябре—декабре 844 г.).⁶ Что кайрак шейха ал-Варагсери отнюдь не относится к IX в., как счи-

тал издатель этого надгробия М. Хартман,⁷ а является поздним возобновлением раннего текста, установил на основании палеографического анализа и Э. Херцфельд.⁸ Если связать наш кайрак с именем отца вышеупомянутого эмира Абу-л-Мухаджира, то последний, судя по тексту Канди, был известен еще в XII в.

Чем объясняется появление позднего текста на месте раннего погребения?

М. Е. Массон отмечал, что в XI—XII вв. в государствах Великих Сельджуков и Караханидов усиленно пропагандировались как «святые» все места, связанные с деятельностью первых распространителей ислама из числа арабских завоевателей.⁹

На севере шахрестана Самарканда восстанавливается соборная мечеть, около которой появляются мавзолеи, в частности Ибрахима ибн Хусайна.¹⁰ Раскопками последних лет здесь вскрыты многочисленные захоронения с обкладкой сырцовым и жженым кирпичом караханидского времени. Очевидно, наряду с появлением новых погребений проводится обновление древних, наиболее почитаемых. Именно в этот период, в пределах второй половины XII—начала XIII в., вероятно, и было обновлено надгробие на могиле эмира Абу-л-Мухаджира Мухаммада.

⁷ Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии. — ЭВ, 1953, вып. 7, с. 69; Hartmann M. Archäologisches aus Russisch Turkestan. — OLZ, 1906, N 1, S. 29, 234.

⁸ Herzfeld E. Taschkenter Stein. — OLZ, 1911, N 9, S. 432.

⁹ Массон М. Е. Фрагменты надписи караханидского мавзолея с городища Афрасиаб. — ЭВ, 1971, вып. 20, с. 80.

¹⁰ Там же, с. 83, 84. Вероятно, он был не единственным, так как к северу от него выявляются следы аналогичных сооружений. Не исключено, что появление в этом районе захоронений и строительство мавзолея самаркандского правителя конца XII—начала XIII в. в какой-то мере связаны с наличием здесь древних почитаемых могил «праведников» из числа первых распространителей ислама в Самарканде.

⁴ Большаков О. Г. Надгробие 541/1146 г. из Самарканда. — ЭВ, 1961, вып. 14, с. 10.

⁵ Массон М. Е. Среднеазиатские надгробные кайраки, с. 9. — (Написание слова «иби» с «алифом» или без него зависит от положения в тексте или от ошибки резчика и не может служить датирующим признаком. — (Примеч. ред.).

⁶ Массон М. Е. Среднеазиатские надгробные кайраки, с. 8.